

Н. Харузин

Этнография

Выпуск 2

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 316
ББК 60.5
Н11

Н11 **Н. Харузин**
Этнография: Выпуск 2 / Н. Харузин – М.: Книга по Требованию, 2015. –
344 с.

ISBN 978-5-517-88156-4

Лекции, читанные в Императорском Московском университете. Выпуск 2.
Семья и род.

ISBN 978-5-517-88156-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2015

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2015

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ЛЕКЦІИ,

ЧИТАННЫЯ ВЪ ИМПЕРАТОРСКОМЪ МОСКОВСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ.

1. Литературныя теченія по вопросу о первобытномъ человѣческомъ обществѣ.

Вопросъ о развитіи семьи за послѣднія десятилѣтія сдѣлался предметомъ ожесточенныхъ споровъ. До того ему мало посвящали вниманія. Семья казалась настолько естественнымъ инстинктомъ, что она считалась за первоначальный видъ человѣческаго общежитія. Держался взглядъ, что «семья есть древнѣйшее человѣческое общество», «источникъ и начало гражданской жизни, ядро племени», и т. д. Когда-же этнографическія данныя позволили глубже заглянуть въ первобытное состояніе человѣчества, стало выясняться, что это положеніе не достаточно обосновано. Между представителями стараго и новаго взглядовъ возгорѣлась полемика. Она привела къ обширной литературѣ о возникновеніи и развитіи семьи, т. е. о первобытномъ состояніи человѣческаго общежитія. Вопросъ, какой формой послѣдняго открывается исторія человеческой культуры въ высшей степени важенъ для дальнѣйшихъ научныхъ построеній; поэтому ему посвящали свои силы какъ этнографы, такъ социологи, экономисты, философы и юристы.

Ни въ одной изъ областей, принадлежащихъ вѣдѣнію этнографіи, эта наука не произвела, пожалуй, большаго переворота, чѣмъ въ области изученія законовъ развитія семьи и брака. Поэтому рассмотримъ семью и родъ на основаніи данныхъ этнографіи представляется особенно важнымъ.

До изложенія свѣдѣній о развитіи семьи и рода необходимо, однако, остановиться на важнѣйшихъ теченіяхъ въ литературѣ этого вопроса.

Еще сравнительно недавно союзъ родителей и дѣтей казался тѣмъ эмбриономъ, изъ котораго развивались дальнѣйшія формы общества. Семья, какъ думали, разрасталась: вокругъ патріарха группировались въ безусловномъ ему подчиненіи его дѣти, внуки, слуги. Лицами, входящими въ эту организацію, и ихъ имуществомъ родо-

начальникъ распоряжался безконтрольно. Съ теченіемъ времени такая группа, такъ называемая патриархальная семья расширялась. Власть патриарха, послѣ его смерти, переходила къ старшему сыну его. Постепенно связь между членами группы ослабѣвала, исчезало понятіе о близкомъ родствѣ, но сохранялось воспоминаніе объ общности происхожденія. Такъ какъ власть продолжала оставаться преемственной, первобытная семья развивалась въ патриархальное государство. Эта теорія развитія человѣческаго общежитія поддерживалась библейскимъ сказаніемъ до тѣхъ поръ, пока въ описаніяхъ родовой организациі, которую сохранила Библия, не признали форму, возникшую лишь послѣ ряда звеньевъ въ цѣпи развитія нормъ человѣческаго общежитія.

Патриархальная теорія, опиравшаяся на невѣрное толкованіе священнаго писанія, сдѣлалась объектомъ рѣзкой критики со стороны представителей теоріи «естественнаго права». Однако, взгляды, что семья—основа всякаго человѣческаго общежитія, нисколько не пошатнулся. Ни великому представителю школы естественнаго права Гоббсу, ни Руссо, ни другимъ мыслителямъ не приходила мысль сомнѣваться въ этомъ положеніи; они старались лишь иначе обосновать его. Поклонники патриархальной теоріи выводили нормы, регулирующія взаимоотношенія членовъ человѣческихъ союзовъ, изъ божественныхъ законовъ, предписанныхъ священными писаніемъ и преданіемъ; поклонники же «естественнаго права» обосновывали ихъ на свободномъ договорѣ. «Древнѣйшее и единственно естественное изъ всѣхъ обществъ—это семья, пишетъ, напримѣръ, Руссо въ *Contrat social* (I, 2), при чемъ, продолжаетъ онъ, дѣти остаются соединенными съ отцомъ только до тѣхъ поръ, пока они нуждаются въ немъ для самосохраненія. Какъ только необходимость (въ отцѣ) для самосохраненія прекращается, и естественная связь (между родителями и дѣтьми) прекращается, дѣти освобождены отъ обязанности слушаться отца, отецъ освобожденъ отъ заботъ о своихъ дѣтяхъ: и отецъ и дѣти снова становятся свободными. Если же отецъ и дѣти продолжаютъ жить совмѣстно, то это не дѣлается естественно, а добровольно, и семья поддерживается только вслѣдствіе договора». Такого рода договорная семья, по мнѣнію Руссо, «есть первый образецъ политическаго общежитія; глава—это образъ отца; народъ—образъ дѣтей, и всѣ, рожденные равными и свободными, отчуждаютъ свою свободу для собственной пользы».

Теорія естественнаго права пала, матеріалъ по изученію быта народностей накопился въ большомъ количествѣ, но взгляды на семью

не измѣнялся до половины XIX-го столѣтія. Его держались такіе знатоки быта некультурныхъ народностей, какъ, напримѣръ, нѣмецкіе этнографы Клеммъ (Klemm) и Вайцъ (Waitz), и до сихъ поръ къ нему примыкають еще нѣкоторые изслѣдователи, несмотря на очевидность фактовъ противоположнаго характера. Пожалуй, нигдѣ сила предвзятой мысли не дѣйствовала съ такой настойчивостью, какъ въ рѣшеніи вопроса о первобытномъ состояніи человѣчества. Это предубѣжденіе значительно поколебалось благодаря изслѣдованію быта нѣкоторыхъ малокультурныхъ народностей, и, главнымъ образомъ, вслѣдствіе введенія въ изученіе этнографическихъ данныхъ историко-сравнительнаго метода и метода изученія переживаній. Правда, факты объ отсутствіи семьи у нѣкоторыхъ племенъ и о счетѣ родства не по отцовской, какъ у европейскихъ народностей, а по материнской линіи, о многомужествѣ (поліандріи) и пр. были извѣстны съ древнихъ временъ (о нихъ упоминалъ еще Геродотъ), но на нихъ было принято смотрѣть, какъ на своеобразныя исключенія. Этотъ взглядъ удержался и въ XIX-мъ столѣтіи, когда такъ называемыхъ «оригинальныхъ» фактовъ набралось очень значительное количество. Даже Тэйлоръ, которому наука обязана введеніемъ метода изученія переживаній, въ первомъ изданіи своего труда «Доисторическій бытъ человѣчества» (изд. въ 40-хъ годахъ XIX-го ст.) не нашелъ имъ объясненія и соединилъ извѣстные ему факты, доказывающіе отсутствіе семьи въ современномъ смыслѣ этого слова у многихъ народностей, въ одну общую главу подъ заглавіемъ «Нѣкоторые замѣчательные обычаи».

Первымъ ученымъ, рѣшившимся бороться противъ господствующаго мнѣнія о первобытной формѣ человѣческаго общежитія, былъ Бахофенъ (Bachofen). Его работа «Материнское право» (Das Mutterrecht), вышедшая въ свѣтъ въ 1861 г., знаменуетъ собой рѣшительный переворотъ въ изученіи исторіи развитія нормъ человѣческаго общежитія и тѣмъ самымъ и взглядовъ на исторію семьи.

Основные положенія Бахофена въ общихъ чертахъ сводятся къ слѣдующему: 1) первоначально люди не знали ни семьи, ни брака; они жили въ стадіи (не совсѣмъ удачно названной имъ *гетеризмомъ*) полной свободы общенія половъ; 2) эта стадія не допускала возможности опредѣленія отца, вслѣдствіе чего принадлежность ребенка можно было опредѣлять, только основываясь на той естественной связи, которая соединяетъ его съ матерью; слѣдовательно, родство могло считаться только по женской линіи; 3) гетеризмъ и материнское родство были явленіемъ общимъ для всего человѣчества на низшихъ ступеняхъ цивилизаціи; поэтому женщинамъ, единственно точно опре-

дѣлимымъ родителямъ, воздавались особый почетъ и уваженіе; женщина стояла высоко въ первобытномъ обществѣ, что приводило къ господству женщины надъ мужчинами, т. е. къ *гинекократіи*; 4) женщина не могла быть принадлежностью одного лица; поэтому стремленіе къ единоличному обладанію ею влекло такъ называемое «искупленіе передъ группою»: прежде чѣмъ отдаться одному навсегда, женщина должна была временно предоставить себя всей группѣ мужчинъ даннаго общегитія. Последнимъ взглядомъ первобытнаго человѣка Бахофенъ объяснялъ часто встрѣчавшійся въ древности обычай, по которому женщины или передъ бракомъ или въ извѣстныя времена года обязаны были проституировать себя. По мѣрѣ развитія единобрачія, такъ утверждалъ Бахофенъ, счетъ родства по женской линіи утрачивался, потому что отецъ становился извѣстнымъ. Мало по малу устанавливался патріархатъ и счетъ родства по мужской линіи, а женщина, ставъ собственностью мужчины, теряла свое выдающееся, привилегированное положеніе.

Главнымъ источникомъ, изъ котораго Бахофенъ черпалъ свои выводы, были мифы классической древности. Мифы, говорилъ онъ, отражаютъ въ себѣ лишь то, что имѣло мѣсто въ дѣйствительной жизни; слѣдовательно, они служатъ точнымъ и достовѣрнымъ источникомъ для изученія быта древняго человѣка. Вмѣстѣ съ этимъ толкованіемъ Бахофенъ утверждалъ, что, если мифы рисуютъ жизнь человѣка, то внесеніе въ пантеонъ новыхъ божествъ и развитіе религіозныхъ представленій въ свою очередь оказываютъ вліяніе на исторію культуры человѣчества: если, поэтому, «въ мифахъ боги дѣлаютъ то, что дѣлаютъ или дѣлали люди», то и «люди начинаютъ дѣлать то, что боги совершаютъ въ мифахъ». Благодаря этому взгляду, во время Бахофена имѣвшему въ наукѣ право гражданства, онъ считаетъ возможнымъ выставить положеніе, что у грековъ, напримѣръ, переходъ отъ гетеризма къ единобрачію и замѣна матриархата патріархатомъ происходитъ подъ вліяніемъ введенія новыхъ божествъ, представителей новыхъ взглядовъ, въ группу старыхъ, представителей прежняго порядка вещей.

Работа Бахофена въ значительной степени устарѣла: ни его методъ, ни нѣкоторые взгляды не выдерживаютъ критики. Никто въ настоящее время не вѣритъ въ существованіе гинекократіи; самопонятіе о гетеризмѣ въ значительной степени теперь видоизмѣнилось. Но за Бахофеномъ навсегда останется слава перваго ученаго, направившаго вопросъ объ изученіи исторіи семьи въ новое русло, открывшаго новые пути для изслѣдованія и измѣниваго старыя, тради-

ціонные взгляды на семью, какъ на эмбрионъ человѣческаго общежитія. Вотъ почему за нимъ по справедливости можетъ быть признано названіе родоначальника новаго теченія въ изученіи исторіи семейно-общественныхъ нормъ первобытнаго человѣка. «Материнское право» Бахофена было хронологически первымъ сочиненіемъ въ указанномъ направленіи. Оно, однако, не произвело того впечатлѣнія, на которое имѣло бы право разсчитывать. Виной тому былъ отчасти методъ Бахофена, и источникъ, изъ котораго онъ черпалъ свои положенія (мифы), главнымъ же образомъ, то, что его книга была написана на нѣмецкомъ языкѣ въ то время, когда въ самой Германіи совершенно не интересовались поднятыми ею вопросами.

Шотландскій юристъ Макъ Ленанъ (Mac Lennan) и американскій ученый Морганъ (Morgan), незнакомые съ книгой Бахофена, въ началѣ не зная также ничего другъ о другѣ, пришли, конечно, только въ существенныхъ чертахъ, къ тѣмъ же выводамъ, какъ и Бахофенъ. Работы Макъ Ленана, которыя начали появляться съ 1865 г., и труды Моргана, выпущенные въ свѣтъ почти одновременно съ ними, произвели окончательный переворотъ въ наукѣ о древнѣйшихъ формахъ общежитія и поставили дальнѣйшія изслѣдованія въ этомъ направленіи на прочную почву.

Матеріаломъ для работъ Макъ Ленана являлись литературныя свѣдѣнія о жизни такъ называемыхъ дикихъ племенъ, а для Моргана—кромѣ того и личное изученіе быта нѣкоторыхъ краснокожихъ народностей Сѣверной Америки. Онъ долго жилъ среди прокезовъ и былъ усыновленъ однимъ изъ краснокожихъ вождей племени сенека. Еще въ 1847 г. и въ 1851 г. онъ описалъ оригинальныя установленія хорошо знакомой ему народности. Свѣдѣнія, имъ собранныя, настолько рѣзко противорѣчили общепринятымъ понятіямъ о семьѣ и родствѣ—что они побудили американское правительство собрать путемъ опросовъ листовъ данныя о системахъ родства среди другихъ краснокожихъ. Пользуясь обильными фактами, стекавшими въ извѣстный Смитсоновскій Институтъ (Smithsonian Institution), литературнымъ матеріаломъ о некультурныхъ народностяхъ Азіи, Африки, Австраліи и Полинезіи, Морганъ начерталъ исторію развитія семьи въ первобытныхъ обществахъ. По его мнѣнію, групповой бракъ (*промишкунитетъ*) предшествовалъ другимъ стадіямъ сожитія половъ; при такой формѣ брачныхъ союзовъ не могло быть рѣчи о знаніи фактическаго отца, потому что всѣ женщины данной группы были женами всѣхъ мужчинъ ея; отсюда вытекалъ неизбежно счетъ родства по материнской линіи. Съ развитіемъ культуры, кругъ лицъ, имѣвшихъ право

вступать другъ съ другомъ въ общеніе, постепенно сѣуживался, пока, наконецъ, не наступило единобрачіе. Эти стадіи Морганъ считалъ общими для всѣхъ народностей на основаніи данныхъ, полученныхъ историко-сравнительнымъ методомъ и методомъ изученія переживаній.

Макъ Ленанъ выводилъ исторію семьи другимъ путемъ и изъ другихъ источниковъ. Несмотря на несогласіе съ Морганомъ относительно цѣлага ряда вопросовъ, на полемику, возгорѣвшуюся между ними, Макъ Ленанъ признавалъ, какъ Бахофенъ и Морганъ, что семья въ современномъ значеніи этого слова предшествовала стадіи, приведшая къ матриархату.

Споръ Макъ Ленана и Моргана, которые въ теченіе всей своей жизни полемизировали другъ съ другомъ, въ настоящее время потерялъ въ значительной степени интересъ. Дальнѣйшіе труды другихъ изслѣдователей отвергли многое изъ положеній обонхъ ученыхъ и исправили и видоизмѣнили ихъ выводы. Но краеугольные камни, на которыхъ они зиждили свои положенія, и въ настоящее время служатъ еще опорами при изученіи исторіи семейно-общественныхъ отношеній. Многие ученые разныхъ странъ въ существенномъ примкнули къ взглядамъ Моргана и Макъ Ленана и продолжали плодотворныя изысканія въ области первобытнаго права. Работы Лѣббока (Lubbock), Спенсера (Spencer)—въ Англіи, Жиро-Телона (Giraud-Teulon)—въ Швейцаріи, Поста (Post), Бастіана (Bastian), Даргуна (Dargun), Гельвальда (Hellwald)—въ Германіи, Вилькена (Wilken)—въ Голландіи, Летурно (Letourneau)—во Франціи и множество другихъ въ значительной степени подвинули впередъ науку по пути, указанному основателями науки о семьѣ, внесли многія ограниченія и перемѣны въ крайности ихъ взглядовъ и вмѣстѣ съ тѣмъ расширили научныя перспективы. Правда, до настоящаго времени еще многіе отдѣльные вопросы недостаточно выяснены, относительно многихъ законовъ, регулировавшихъ общественное развитіе человѣчества, можно говорить только предположительно и строить лишь гипотезы; но это легко объясняется тѣмъ, что со времени появленія труда Бахофена прошло сравнительно немного времени. Вглядываясь въ успѣхи, достигнутые наукой въ этотъ краткій срокъ и выразившіеся въ огромной литературѣ, посвященной разработкѣ вопроса объ эволюціи человѣческаго общества, нельзя не оцѣнить всей важности трудовъ Бахофена, Моргана и Макъ Ленана. Они являются первыми представителями эволюціонной теоріи развитія семьи. Рядъ ученыхъ, шедшихъ по ихъ пути, служить доказательствомъ, съ какимъ сочувствіемъ было встрѣчено новое направленіе.

Однако, развивая новую теорію, ученые вносили и многія измѣненія во взгляды Макъ Ланана, Моргана и Бахофена. Такъ, напримѣръ, послѣдніе два изслѣдователя признавали, что всѣ мужчины первобытной группы были или могли быть мужьями всѣхъ женщинъ ея. Бахофенъ называлъ эту стадію—гетеризмомъ, Морганъ—стадіей промискуитета. Изъ этого состоянія, по мнѣнію Бахофена, возникла стадія гинеократіи, періодъ господства женщинъ. Критика указала, что терминъ *гетеризмъ* выбранъ неудачно, такъ какъ онъ не выражаетъ того, что подъ нимъ подразумѣвали греки, у которыхъ Бахофенъ заимствовалъ это слово. «У грековъ, замѣчаетъ Энгельсъ (Engels), гетеризмъ означалъ сношенія холостыхъ или живущихъ въ единобрачій мужчинъ съ незамужними женщинами; поэтому гетеризмъ всегда предполагаетъ существованіе определенной формы брака, въ которой происходятъ эти сношенія, и включаетъ въ себѣ, по крайней мѣрѣ, возможность проституціи. Въ другомъ смыслѣ это слово никогда не употреблялось». Лэббокъ въ своемъ трудѣ «Начало цивилизаціи» (The origin of civilization) предложилъ слова гетеризмъ или промискуитетъ замѣнить словомъ «общинный», «коммунальный бракъ». Этотъ терминъ Лэббокъ выбираетъ, какъ онъ самъ говоритъ, «изъ приличія». Терминъ «коммунальный бракъ» имѣлъ успѣхъ въ литературѣ и вытѣснилъ названія «гетеризмъ» и «промискуитетъ». Критикуя теорію Бахофена, Лэббокъ отрицаетъ существованіе стадіи главенства женщинъ (гинеократію); многочисленными примѣрами онъ доказалъ, что положеніе женщины среди дикарей принижено, что гинеократія, какъ стадія развитія—плодъ фантазіи Бахофена и недостаточнаго знакомства съ фактами. Болѣе существенное исправленіе въ теорію послѣдняго внесено Спенсеромъ, который рѣшительно отвергалъ существованіе стадіи коммунальнаго брака, посвятивъ въ своемъ трудѣ нѣсколько страницъ основательной критикѣ ученія Лэббока. Онъ, между прочимъ, говоритъ: «Я не думаю, чтобы факты оправдывали заключеніе, будто бы беспорядочное половое сожителство существовало когда либо въ совершенно неограниченной формѣ. Кромѣ того, мнѣ кажется, что если бы оно даже и существовало въ этой формѣ, то все таки названіе коммунальнаго брака не дало бы намъ вѣрнаго представленія о немъ. Начальное общественное состояніе должно было представлять такой порядокъ вещей, при которомъ не существовало еще никакихъ общественныхъ законовъ. Эти законы предполагаютъ нѣкоторую продолжительность общественнаго существованія, а послѣднее возможно лишь при послѣдовательной смѣнѣ нѣсколькихъ поколѣній. Вслѣдствіе этого, въ самомъ началѣ не могло существовать такого общественнаго закона, какъ законъ коммунальнаго брака, въ силу котораго каждый

мужчина и каждая женщина известнаго маленькаго племени считались въ одинаковой степени принадлежащими другъ другу, какъ мужъ и жена; въ самомъ началѣ не могло существовать ни малѣйшаго представленія о правахъ, вытекающихъ изъ коммунальнаго брака. Слова «бракъ» и «право», въ приложеніи къ подобному общественному состоянію, могутъ, какъ мнѣ кажется, привести къ весьма ошибочнымъ представленіямъ. Каждое изъ этихъ словъ подразумѣваетъ нѣкоторое притязаніе и нѣкоторое ограниченіе. Коль скоро же притязаніе признается одинаково за всѣми членами даннаго племени, то единственнымъ ограниченіемъ можетъ быть исключеніе членовъ другихъ племенъ; но мнѣ кажется, продолжаетъ Спенсеръ, невозможнымъ утверждать, чтобы идея о бракѣ внутри племени явилась изъ отрицанія притязаній личностей, принадлежащихъ къ другимъ племенамъ. Оставимъ вопросъ о терминологіи, говоритъ Спенсеръ, и перейдемъ къ разсмотрѣнію существеннаго вопроса: предшествовало ли то, что мы могли бы назвать племенной монополіей, т. е. общее владѣніе женщинами, индивидуальной монополіи. Сэръ Джонъ Лэббокъ полагаетъ, что отсутствіе индивидуальнаго супружескаго обладанія шло параллельно съ отсутствіемъ индивидуальнаго обладанія вообще, т. е., пока не существовало понятія объ индивидуальной собственности на другія вещи, не существовало и понятія объ индивидуальной собственности на женщину; что какъ территория даннаго племени была общей собственностью, такъ точно и женщины племени были общей собственностью всѣхъ мужчинъ этого племени. Лэббокъ думаетъ, что частная собственность на женщину установилась только какъ результатъ похищенія женъ, вслѣдствіе того, что женщины, добытыя этимъ путемъ, начали считаться принадлежащими своимъ похитителямъ. Хотя я тоже вполне согласенъ съ тѣмъ, что развитіе понятія о собственности вообще имѣло большое вліяніе на развитіе понятія о супружескихъ отношеніяхъ, тѣмъ не менѣе я нахожу вполне возможнымъ не раздѣлять мнѣнія сэра Джона Лэббока, будто понятіе о собственности находилось когда нибудь въ такомъ неразвитомъ состояніи, какое предполагается имъ. Обыкновенно дикари владѣютъ индивидуально своимъ оружіемъ и утварью, своими украшеніями и одеждою. Даже у низко стоящихъ огнеземельцевъ существуетъ частная собственность по отношенію къ лодкамъ. Въ самомъ дѣлѣ, то самое представленіе о будущихъ выгодахъ, которое заставляетъ разумное существо овладѣть какою нибудь полезною вещью, или изготовить ее для себя, побуждаетъ его сопротивляться отягченію этой вещи. Въ большинствѣ случаевъ ему не мѣ-